

САЯТ-НОВА

Х. С. САРКИСЯН

Засл. деятель науки Арм. ССР

Творчеством Саят-Новы завершается развитие армянской средневековой поэзии, начало которой датируется X—XI вв. В его песнях воплотились яркие краски и глубина этой поэзии: страстный призыв к жизни и преклонение перед природой, неудержимый протест против царящих в человеческом обществе несправедливостей и острота душевных потрясений, блеск образов и законченная красота формы.

Первооткрывателем Саят-Новы был Георг Ахвердян. Широко образованный человек, собирающий и ценящий памятники народного творчества, знаток восточных и европейских языков, Г. Ахвердян в 1852 г. издал в Москве книгу песен Саят-Новы с обстоятельным историко-литературным предисловием. Будучи по профессии врачом, Ахвердян прославился в поколениях как блестящий филолог и литературовед.

Саят-Нова писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках с равной силой. Вопрос не только в совершенном знании языков своих соседей и в знании их душевного уклада и быта. Вопрос в основном в том, что эти народы, полностью сохранив свою самобытность, в сокровенных извилинах своей духовной жизни тесно сомкнулись друг с другом. Выразителем этого единства и дружбы и был Саят-Нова.

* * *

Саят-Нова родился в начале XVIII в. — в 1712 г. Этот век не так уж далек от нас, и все-таки мы имеем сравнительно мало биографических данных об этом замечательном человеке, поэзия которого, по словам Валерия Брюсова, наполнила собою все столетие.

Невзирая на скудность источников, нам все же известно, что отец Саят-Новы, сирийский армянин Карапет Саядян, переселился в Грузию из Алеппо, а мать, Сара, была тифлисской армянкой. Саят-Нова — ашугское имя поэта: при крещении его назвали Арутином. В молодые годы Арутин подвизался в профессии ткача. Однако он рано увлекся искусством ашуга и благодаря своим поразительным способностям быстро прославился не только как автор песен и мелодий, но и как музыкант, виртуозно играющий почти на всех восточных инструментах — кяманча, чонгур, саз.

Несмотря на тяжелые условия той эпохи, частые опустошительные вторжения лезгин с севера, угрозы Персии и Турции с юга, Тифлис продолжал оставаться тем ослепительно-сказочным городом, которым, как говорит Ованес Туманян, восхищались «вся Малая Азия и Ближний Во-

сток». «Жизни этого удивительного города,— продолжает Туманян,— задавал тон беспечный и веселый грузинский чрав; потому и старый Тифлис не был состоящим из чуждых друг другу этнографических единиц конгломератом, а праздничным домом, где справляли свадьбу и куда были приглашены все национальности и племена Кавказа».

В такой атмосфере жил и творил Саят-Нова. Из некоторых песен Саят-Новы можно сделать тот вывод, что в 50-х годах Саят-Нова стал придворным музыкантом и певцом, сазандаром грузинского царя Ираклия II, человека не только храброго, но и просвещенного. Ираклий, несомненно, искренне любил Саят-Нову и был привязан к нему. Однако все же они поссорились, конечным результатом чего было не только изгнание из двора Саят-Новы: его принудили постричься в монахи.

Рассказывают, что причиной опалы Саят-Новы была «незаконная» и безнадежная любовь ашуга к высокопоставленной особе, царевне Анне, племяннице Ираклия.

В Ахпатской обители,— Саят-Нова был сослан в этот армянский монастырь,— поэт прожил долгие годы. В монастыре, по-видимому, он перестал писать стихи. Но страсть к песне у него сохранилась. Предание повествует, что когда в Тифлис приезжал какой-либо ашуг, Саят-Нова, не выдержав, скидывал рясу, наряжался в свое обыкновенное платье, брал с собою кяманчу и спешил в город на состязание.

О Саят-Нове пишут, что он был во многих странах, то ли сам путешествовал, то ли в качестве ашуга сопровождал войска грузинского царя во время его походов в дальние края. Весьма вероятно, что он посещал Иран. Был ли он в Индии, Абиссинии или Аравии, о которых есть упоминания, трудно сказать.

Смерть Саят-Новы так же легендарна, как и его жизнь. В 1795 г. орды персидского шаха Ага-Магомед-хана осадили Тифлис, взяли его и учинили кровавую расправу над населением. Саят-Нова вместе с народом находился в одной из армянских церквей города. Сарвазы шаха ворвались в церковь, предложили ашугу покинуть ее и услышав ответ: «святилища не покину, не отрекусь я от веры,— тут же растерзали его.

В одной из своих песен, обращаясь к своей возлюбленной, Саят-Нова говорит: ты безупречна, друг мой, ты золотая чаша с дарующей бессмертие водой, ты белоснежная пена, неугасимый огонь. Безмерную твою чистоту, говорит поэт, я подметил, узнал, понял вникая в твои слова.

Слово — орудие песни. Слову Саят-Новы придает великое значение. Слово исходит из существа человека. Слова не изменишь никакими обстоятельствами: незначительно оно — не возвысить его звучностью, ничтожно — в устах даже царя не будет веским. Никаким покрывалом не укроешься — слово выдаст тебя.

Однако Саят-Нова, будучи мастером слова, глубоко вскрывшим его сокровенную сущность, часто жалуется, как это ни странно, на недостаток, нехватку слов. Называя свою возлюбленную бриллиантом, чинарным кипарисом, бесценным лалом индийских стран, сравнив ее язык

с сахаром, уста — с медом, зубы — с алмазом, а взор — с наполненным жемчугом эмалевым сосудом, приводя, одним словом, весь мир, всю природу в движение для раскрытия своих чувств и несравненной красоты своей гёзал, Саят-Нова задает вопрос: с чем, милая, еще сравнить тебя? И ответив, что «все исчерпано давно», тут же, наперекор себе, говорит:

Ты — лилия долин, и ты цветок багряный средь травы;
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

(Пер. В. Брюсова)

Совершенно ясно, что недостаток слов восполняется словами же; так разрешается своеобразный «кризис», раздор поэта со словом. От избытка чувств и переживаний рождаются новые слова, новые образы и сравнения — более яркие, огненные. Слово надо выстрадать, чтобы быть в состоянии подняться на новую высоту.

Слово — творческое начало, но это и истина, и полновластным владельцем этого изумительного инструмента является ашуг. Твое слово, ашуг, говорит Саят-Нова в своей хвале кяманче, исцеляет больного, дарит сон усталому, бодрит приунывшего; твоей песне покорен весь мир. Так смело скажи свое слово, ашуг, увещевает поэт, будь меток подобно искусному луконосцу, к высшему стремись, а перед низкими людьми, перед теми, которые безучастны к добру и красоте, молчи!

Саят-Нова весь полон этой благородной миссии ашуга. Свято служи народу, говорит он сам себе, а «если подносят желчь тебе, ты сахар дай!». Поэт горит желанием смягчить страдания людей, дать им минуты радости. Недаром основатели саятноваведения Г. Ахвердян, Ов. Туманян и В. Брюсов, рассматривая великого ашуга во всей его многогранной целостности — как человека и автора, певца любви и труженика, — называли его врачом души человеческой, истинным другом людей и своего народа, не только увеселителем на пиру, но и учителем, пророком.

Саят-Нова горд своим великим призванием, своим замечательным искусством, глубоко сознает свое достоинство, свою силу:

Не всем мой ключ гремучий пить:
особый вкус ручьев моих!

Не всем мои писания чтить: особый
смысл у слов моих!

Не верь: меня легко свалить!
гранитна твердь основ моих!

(Пер. В. Брюсова)

Песни любви Саят-Новы восхитительны, они истекают из глубины души поэта, проникают в самые сокровенные недра сознания, предельно искренни, человечны, поражают не только насыщенностью чувством, но и мудростью. По форме эти песни блистательны.

«Писанный пером твой лик...», — так начинается одна из песен Саят-Новы. Ни одно слово, ни одно выражение не остается здесь в покое, а находится в непрерывном движении. Все полно возможностей, все готово распуститься, дать новые ростки.

На что хозяину сад, говорит Саят-Нова, обращаясь к возлюбленной, если ты своим благоуханием превосходишь его? Родинка на твоём лице столь красива, что волосы ревниво прикрывают ее. А волосы!.. Им не нужна влага, они и без того вьются. Мир велик, а где найдешь художника, который отобразил бы твою красоту? Ты — само бессмертие. Поэт в экстазе, в забвении. Врата мира широко открыты перед ним, его душа окрыляется, вступает в безбрежность, мелкие страсти не сковывают его, он не печалится, видя как отовсюду приходят на поклонение к его возлюбленной; благоговение перед нею, наоборот, становится еще проникновенней, красота ее еще более оттеняется.

Романтически-припеднято воспевая возлюбленную, Саят-Нова отнюдь не отрывается от реальной почвы. Все привлекает в возлюбленной внимание поэта: тонкий ее стан, грациозность движений, блеск глаз. На всем он останавливается: прическа, жемчуг зубов, рубин губ.

Саят-Нова не проходит мимо даже нарядов возлюбленной, укоряет ее за излишества: ты вытянула шею: зачем? ведь шея у тебя как у лани. Не старайся казаться лучше, говорит тем самым поэт, — усилия, потуги умаляют красоту.

О средневековых армянских поэтах говорят, что они, воспевая женщину, не проникали в ее внутренний мир. Возможно. Но у Саят-Новы образ женщины столь одухотворен, что дает понятие также о богатстве ее души, о ее чистоте.

Однако женщина не только сама одухотворена, но и одухотворяет окружающий мир. Ее обаяние безгранично. К чему ни прикоснется она — все претворяется в красоту. Вот она на прогулке — и

След подковки золотой освятил грядку...

(Пер. В. Брюсова)

Сад прекрасен, но когда гёзал в саду — он становится еще прекрасней. Одевает она ситец — ситец выглядит как атлас. Обыкновенное она превращает в необыкновенное, железо — в золото, простой камень — в алмаз. Она — источник красоты, от нее исходят лучи, озаряющие весь мир.

У средневековых поэтов возвеличивание женщины тесно сочеталось с восторженным восприятием природы, ее красот: солнце, цветы, журчащие ручейки. Саят-Нова сравнительно мало воспекает природу, но воспевание любви у него так и веет природой, миром, всем сущим.

Вдохновляясь природой, Саят-Нова не упускает случая возвысить гёзал, сближая ее, ассоциируя, находя общее с различными чудесами естественного мира. Ты — снегом покрытая вершина, у подножия которой цветут фиалки, — говорит поэт. Суровость необычного сравнения смягчается нежностью скромных цветов, и у читателя получается полное представление о безупречной чистоте, о недостижимости гёзал.

Поэта особенно воодушевляли дальние страны, караваны которых, полные причудливых товаров, часто останавливались у ворот Тифлиса. Ты — иранский бархат, ширазский хрусталь, венецианский атлас, тонкая ткань из Мысыра (Египет), лал из Бадешхана (Афганистан), прилетев-

ший из Багдада журавль, дуновение весеннего зефира из Смирны. Особенно воодушевляется Саят-Нова, когда доходит до славившейся в средневековье своими чудесами страны — до Индии. Твой цвет лица — что воск индийский, ты — бесценный лал индийских стран, ты — бриллиант, гвоздика, кардамон, ты — жар-птица из Индостана...

Все эти ассоциации, всю эту гармонию, соизмеримость, которую открывает или создает поэт между красотой гёзал и миром, все это он глубоко прочувствовал, пережил, все это исходит из восторженного отношения поэта к природе, бытию, человеку. Гёзал — в центре, в фокусе этого восторга, этого восхищения, воплощение высокой морально-эстетической оценки жизни, сущего.

Борьба «плоти» с «духом», души с телом, стремление преодолеть деспотический примат «духа» характерны для армянской средневековой поэзии, являясь субъективным отражением объективного процесса секуляризации жизни и мысли. Вопросом борьбы «плоти» с «духом» был, конечно, озабочен и Саят-Нова. За потворство плоти поэт, правда, называет свое сердце безумным, увещевает его, чтобы оно смирилось, угрожает ему даже страшным судом. Но дальше этого он не идет. Сразу видно, что перед увещавателем Саят-Новой стоит другой, подлинный Саят-Нова — беспокойный, пелерающий «законы», непокоряющийся. Но если даже эта борьба и не оказалась фатальной для Саят-Новы, все же он не обладает тем душевным равновесием, тем радостным спокойствием, которые характерны для его предшественника Нагаша Овнатана.

Саят-Нова жил в эпоху острого социального и политического кризиса в Закавказье, когда феодальный гнет особенно остро давал себя чувствовать, а необходимость немедленной помощи русского народа стала вопросом жизни и смерти. Живя в гуще действительности, сталкиваясь со всеми слоями общества, начиная с царя и вплоть до подобных ему простых людей, Саят-Нова остро почувствовал разрушительное воздействие этих противоречий. Он вступил в конфликт уже не с самим собой, — этот конфликт стал уже уделом истории, — а с самой жизнью, с действительностью во всей ее сложности и неприглядности.

Поэзия Саят-Новы определяется именно этим конфликтом, столкновением жизнеутверждающего мировосприятия с гнетущими порядками феодального строя. И поэт, который восхищенно радовался бытию, этот самый поэт почувствовал себя несчастным, униженным, растоптанным.

У средневековых армянских поэтов много песен, которые назывались «песнями радости». У Саят-Новы не найдете такой песни. Саят-Нова не воспекает веселье, пир, меджлис. Еще Г. Ахвердян тонко подметил, что во всех его стихотворениях просвечивает какая-то грусть. В этом нетрудно убедиться, листая книгу песен поэта.

И любовь для Саят-Новы — не наслаждение, не источник счастья, а восхищение, восторг. Свою судьбу поэт очень часто сравнивает — в особенности в песнях на азербайджанском языке — с судьбой героев популярных восточных сказок о Бахлуле, Меджнуне или Фархаде, которые,

горя любовью, сталкиваются с суровой действительностью и в конце концов погибают. Или сравнивает с судьбой мотылька «парвана», который, кружась в забвении вокруг своей, превратившейся в огонь возлюбленной, все ближе и ближе подходит к ней и... сгорает, превращается в пепел. У всех у них восторг и восхищение сплетается со страданием и даже со смертью. Такова любовь и у Саят-Новы: это очарование, неразрывно связанное с мукой.

Это не двойственность. Двойственность чужда нашему поэту. Он справедливо говорит о себе:

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам?
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ль двум садам?

(Пер. С. Шервинского)

Это — глубокая трещина в душе поэта, подобная расселине в гигантском теле Арарата, это — кровоточивое противоречие. Недаром Ав. Исаакян сказал о Саят-Нове, что его глаза он представляет то «подобно морю — вечно синим», то подобно горю — глубоким и черным».

Сознание Саят-Новы расщеплено, но оно не теряет единства. Саят-Нова не сдаётся. Он с сокрушением говорит, что сожжен, изранен и нет ему исцеления, что жизнь его прошла бесплодно, и он лишился даже дара слова, что могила его близка, и все же, говорит поэт, в грезах у него много пыла.

Как сказочные «парвана» бесконечной вереницей подходят к огню и погибают, чем утверждается могущество любви, ее победа над смертью, так и жизнь капля за каплей может оставить Саят-Нову, но он не отступит. Трагедия углубляется, становится вечным спутником поэта, но он остается самим собою.

Саят-Нова — великий лирик и великий мыслитель. Он не только жил, любил и страдал, но орлиным своим взглядом наблюдал окружающее, размышлял. Ряд его песен — раздумья о жизни, о превратностях судьбы, о тяжелой доле человека. Это — не нравоучительные стихи, каких было немало в средневековой армянской поэзии. Это — стихотворения, истекающие из конкретной действительности, из живого опыта. В них много мудрости, они — перлы поэзии.

Всматриваясь в жизнь, Саят-Нова видит, что как его горести, так и горести окружающих, исходя от власти имущих, от тех порядков, которые они установили. Грусть овладевает душой поэта. От безнадежной любви он роняет слезу, от людской несправедливости щемит его сердце.

Над розой плачу, как буюльбюль, — шипы растут превыше мер.

Раскрыться розам не дают, — их сбор, и счет мне стал не мил... —

(Пер. С. Шервинского)

так говорит поэт в своей замечательной по глубине песне на армянском языке «Устал я».

Господствующие в жизни порядки не дают возможности человеку развернуться, он не в состоянии осуществить свои желания, свою мечту. Он должен распускаться подобно розе, но его или срывают бутоном, или

видят увядшим. Как мошка заедает розу, так и человека заедает ложь. Жизнь до того опротивела поэту, что из его чистых уст вырываются бранные слова:

Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!..

Саят-Нова устал даже от завтрашнего дня:

Сегодня хуже чем вчера: зари приход мне стал не мил.

Как созвучна эта строка словам Саят-Новы из песни на азербайджанском языке, которые нравились Ав. Исаакяну! день один, а горя гьма (в подлиннике — тысяча).

Саят-Нова на этом не останавливается. Он говорит, что устал даже от своих песен, что они стали не милы ему. Сколь должен был быть он удручен, сколь разочарован, чтобы отказаться от своей песни, т. е. от своей сокровенной сущности, от самого себя!

Первый русский истолкователь Саят-Новы Я. Полонский говорит, что «между отдельными куплетами, во многих песнях его (Саят-Новы. — Х. С.), нет никакой видимой связи — мысль последующая иногда не вытекает из предыдущей; но зато никогда почти не изменяется тон его песни, выдержанный с начала до конца, как выражение преобладающего чувства» («Кавказ», 1851, № 2). Поразительно, что рассматриваемая песня, анализ которой начат с ее конца, логически завершается начальными ее словами:

Мир — решетчатое окно...

Да, мир — решетчатое окно, он больше не вдохновляет поэта. Мир — тюрьма, каземат. В разочаровании Саят-Новы просвечивает тяжелое положение простого люда в эпоху усугубления феодальных порядков. Горе армянского народа, просачиваясь ручейками в сознание поэта, превратилось в бурлящее море и в конце концов вылилось в эту изумительную песню.

У Саят-Новы есть и другие стихотворения, которые по своему настроению или полностью или частично совпадают со стихотворением «Устал я». Из них примечательна песня на азербайджанском языке «В морях любви». Здесь Саят-Нова с невыразимой силой, по-восточному расточительно, вскрывает свое безграничное духовное богатство, олицетворенное в сокровищнице, которое полно драгоценными камнями и тканями:

Индийский резчик пусть рассмотрит
узоры, тонкость оценя,
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой
их тайного огня...

(Пер. В. Звягинцевой)

Саят-Нова щедро раздает свои драгоценности людям. «Себя вам в жертву отдаю», — говорит он. Но он знает, что не всем доступно его богатство, что многие обожгутся, подойдя к нему, многие враждебны ему. Не страшась этого, но, возмущенный, Саят-Нова под конец приходит от людской тупости в такую ярость, что заявляет, что не следует

верить ему, что ничего нет в нем, ни песни, ни вдохновения, что если поставить его кладь на солнце — она растает подобно первому снегу.

Гнев поэта так силен, что кажется, будто он бросает под ноги песенную свою тетрадь и топчет ее. Но этот благородный гнев одновременно — сознание своего собственного достоинства, утверждение самого себя. Это — пощечина сильным мира сего, бесповоротное отгораживание от них, вызов им.

Однако при всех невзгодах Саят-Нова не отступает от светлого понимания действительности. Как бы ни было сильно разочарование, оно никогда не овладевало поэта полностью. Даже в таком глубоко пессимистическом стихотворении, как «Устал я», мы видим просвет. Саят-Нова говорит здесь: хочу соловьем улететь. Это — тоска по человеку, тоска по радостям жизни. Саят-Нова никогда не переставал верить в правду: правда — Ной, которому не страшен потоп, — говорит поэт. Если он и говорит, что завтрашний день не мил ему, то ведь сильнее этих слов слова из другой песни о том, что, не жалея вчерашнего дня, поэт ищет тот же завтрашний день, что, поминая мертвых, он ищет живых. Пусть мертвые хоронят мертвых! Трагедия углубляется, но человечность не только не покидает Саят-Нову, но и становится возвышеннее.

Да, Саят-Нова отгораживается от сильных мира сего, он не боится их, всей силой своей души он отвергает неправду. Но не только отвергает: он и борется с нею. Еще в начале своего творчества, в 1751 г., в смелом стихотворении на грузинском языке «Звездным сиянием» Саят-Нова, возмущенный обидой, нанесенной ему неким дворянином-тавадом, градом своих насмешек буквально уничтожает его:

Не красят хною ослов копыта...
И тыкве чашей не стать ширазской...

(Пер. К. Липскерова)

Не гордись своим происхождением, тавад! Мул также говорит, что его прадед — арабский скакун. Но разве тем самым мул стал скакуном? Не происхождение определяет человека. Феодальной иерархии, основанной на происхождении, Саят-Нова противопоставляет иерархию, основанную на внутренних достоинствах человека. Ценности перемещаются, человек начинает чувствовать себя личностью.

Конфликт с господствующим строем жизни, сознание своего достоинства, чувство личности в конце концов должны были привести и привели темпераментного и свободолюбивого поэта к острому столкновению с хозяевами жизни, с властью имущими.

Злобным быть, как иной, не хочу совсем...
Честь забыть хоть порой — не хочу совсем,
Князем быть, смерд простой — не хочу совсем —

(Пер. К. Липскерова)

так говорит Саят-Нова в своей знаменитой песне на грузинском языке. В ней воплотились вся ненависть к представителям аристократического класса и бурный протест против их произвола. «Смерд простой, князем

быть не хочу», — вот социальная философия Саят-Новы. Нетрудно заметить, что, говоря о злобе, о злословии, о бесчестии, поэт имеет в виду именно дворян, тавадов. Царь включается в категорию тавадов, как первый тавад. Верно, в отношении царя еще имеются какие-то иллюзии, но они быстро исчезают, и поэт резко порывает также с ним:

Хлеб и соль есть с тобой — не хочу совсем!

*

Разрыв с царем, острое недовольство им — не случайные явления в биографии Саят-Новы. Они были подготовлены всей предшествующей жизнью и творчеством поэта. Он был в явной вражде с действительностью, с господствующими воззрениями. Его эстетика своим острием направлена против тупых, злых людей, против власть имущих. Победа «плоти» в его древней борьбе с «духом» — это победа над официальной идеологией. С неповторимой силой Саят-Нова воспел любовь и тем самым возвел человека на недостижимую высоту в те времена, когда человек был рабом, когда топтали его личность, убивали мечту.

Саят-Нова до конца остался верным великой идее служения человеку, обществу, и его предсмертные слова, слова человека, над которым блеснул меч врага, говорят об этом же. Саят-Нова — певец, но и рыцарь, рыцарь без страха и упрека.

Поэт пребывал в неустанном противоборстве со злом. Воспевая свободу человеческой души, он пропустил через свое творческое сознание человека с его радостями и горестями и создал немеркнувший мир поэтических образов, отливающих волшебными красками его песен.

Творчество Саят-Новы — светлая точка на темном небосклоне феодального мира Закавказья. Саят-Нова — предчувствие нового человека, новой жизни, знамение будущего. Его песни трогают и долго еще будут трогать своей глубиной, изумительной красотой и человечностью. Егише Чаренц о нем сказал: пройдут годы, изменится человек, а с вершины все будет звучать песнь соловья...

ՍԱՅԱՏ-ՆՈՎԱ

Խ. Ս. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Հալկ. ՍՍՌԻ ազգային վաստակավոր գործիչ

(Ա մ ֆ ո ֆ ո լ մ)

Ընդհանուր հայացք ձգելով Սայաթ-Նովայի ստեղծագործության վրա, կարելի է համոզել այն հորակացության, որ նա դիմագրավում է իր դարաշրջանին, հաղադրվում նրան: Սայաթ-Նովայի կաթիլական հասարակ մարդու գեղեցկության բերունտն է և ուղղված է բուժ մարդկանց, կյանքում իշխողների դեմ: Մարմնի պայքարը հոգու դեմ ու նրա հաղթանակը բանաստեղծի հաղթանակն էր պաշտոնական, կրոնից դարերով սրբազորված բարոյախոսության

դեմ: Անգամ նրա ներրողը լեզվին, դա ճշմարտության վերջնական հաստատման հավատն էր՝ ստի համատարած ահրապետության մթնոլորտում: Մայաթ-նովան շտեմնված ուժով երգեց սերը, որով և հասցրեց մարդուն անհասանելի բարձունքների ան ժամանակ, երբ մարդը ճորտ էր կամ և՛ հասանելի, երբ նա դաժանորեն կեղեքվում էր, անպատիժ տրորվում: Սայաթ-նովան ամբողջական էր, իր հայաստությունների մեջ միասնական: Նրա մեծ, աշխարհի չափ լայն հողին աղաւթ էր չարրից, ամեն տեսակ խժրժանքից ու մանրութից: Նա անհատականություն էր բառիս իսկական առումով: Նա ռոտակցում էր իր արժանապատվությունը, իր մարդասիրությունը, իր անդր ասլադայում:

Բո բարձր վարպետությամբ, խոր հույզով և բնդդրկուն հարցադրումներով էր Սայաթ-նովայի սուրյեկտիվ լիրիկան դարձել է ժողովրդի սեփականություն, ունեցել հասարակական մեծ արձագանք, թե՛ իր ժամանակ և թե՛ այսօր, երբ նրա երգը առանձին ուժով և հմայքով է վշնդում մեր ականջում: Սայաթ-նովան ատում էր անհրապույր իրականությունը ու ոգորում չարի դեմ, հասարակ մարդու ըմբռնումների թարգմանն էր նա, հողու աղատության երգիչ: Բո ստեղծագործական գիտակցության բովով նա անցկացրեց մարդուն ամբողջությամբ ու ստեղծեց արվեստի չքնաղ մի աշխարհ, որ շողշողում է իր խաղերի լայ ու գոհարի կախարդանքի գույներով: Նա պայծառ մի կեա էր ֆեոդալական մութ աշխարհում, նոր կյանքի կանխադրացում, գալիքի առհավատչյա: